

Денис Ядров

ПРОДАЖНЫЙ СЛОН

Связь с автором: sdepdenis@mail.ru
8-924-62-23-825

Действующие лица:

Иван Иванович – крупный от природы мужчина, кровь с молоком, возраста между тридцатью и сороками годами.

Алина – двадцать шесть лет.

Тётя Таня – больная женщина пятидесяти – шестидесяти лет.

Сергей – низкого роста, средней комплекции, лысоватый, за пятьдесят.

Коля – сорок с небольшим.

Роза Альбертовна – тёща Ивана Ивановича.

Сцена первая.

Жилой вагончик передвижного зоопарка. Уютный, обжитой. Со стульями, диваном, зеркалом, столом, на котором стоит зачем-то древний подсвечник, и другой необходимой в дороге и для отдыха мебелью. На стенах висят афиши с поблекшими датами и покинутыми зоопарком городами. В центре афиш тигр, по краям от которого расположились другие животные и призывы немедленно бросить все дела и вести детей смотреть экзотических зверюшек.

На диване сидит Сергей и разглядывает пальцы на руках. Коля стоит у окна и смотрит невидящим взглядом сквозь прозрачное стекло.

Сергей. У всех аристократов первого поколения грязь под ногтями. И у компьютерщиков тоже грязь вот такая, с машинным маслом, с мозолями. Ты понял меня? Коля? Коля, говорю: понял меня? (Оборачивается к собеседнику.) А, вот оно что. Тоска. Как там – запахло весной?

Коля. Нормальная весна.

Сергей. Нормальная весна на юге. Там памятники нормальные. В Питере – Петру Первому, в Москве – ракета, а у нас – кандалы. Их даже из космоса видно.

Коля. На том берегу шар ещё с комсомольскими письмами был.

Сергей. А-а, этот. Помнится, его угоняли. Потом догоняли. Воров не нашли, зато письма из прошлого вскрыли. Там наши отцы-основатели написали, что жить мы будем счастливо, есть досыта, спать до отвала. Все радости, в общем. Ты хоть выпался?

Коля. Не могу спать. Нервы.

Сергей. Не переживай. Весна. Только радости от неё: один гололёд и ветер. Ждал ты этой весны, как манны с неба, а она: «Подскользлись, упади, сломай ногу». У нас же как говорят: «Июнь ещё не лето, август – уже не лето». И шутка одна для всех: «Лето было, но я в этот день был на работе».

Коля. А зачем тогда сюда приехал?

Сергей. Ну а ты?

Коля. Меня привезли.

Сергей. А-а, я забыл, а ты напомнил. Да за романтикой приехал, за длинным рублём. Вокруг молодёжь была, от родителей далеко, надежды в воздухе летают,

молодостью пахнет. Это у тебя – весной прёт. Детям сейчас не объяснишь. Сын у меня на вахту укатил куда-то под Красноярск. Я ему говорю: «Возвращайся. Я тебе работу здесь найду. В смену устрою». А он мне: «Нет, папа. Ни за какие коврижки». Это жёны декабристов в морозы пёрлись, а нынешние жёны в Турцию и в Таиланд к солнышку погреться едут.

Коля. С милым рай в шалаше, говорят.

Сергей. Говорят много чего, а делают чуть поменьше. Рай в шалаше, Коля, – это ад.

Коля. Тюрьма – ад, а шалаш – это шалаш.

Сергей. Ну это адский ад. А вот бедным и при этом счастливым ты будешь только в одном случае – если ты не видел никогда, как хорошо и, главное, богато живут другие. Тогда всё равно: хоть в шалаше, хоть в блиндаже. Но от плохого, понятно, человек готов бежать к любому, что получше. Только не для счастья, а для избавления от мук.

Коля. Избавление от мук и есть счастье.

Сергей. Кому как. Тебе избавление, а миллионер какой-нибудь и не мучился. Ему итак хорошо. Я даже не знаю, что ему для счастья надо.

Коля. Шоколада и мармелада.

Сергей. Ну вот разве только их.

Коля. А тигру мясо надо.

Сергей. Да не переживай ты. Это не твои проблемы. Есть старший у нас. Он денег хотел. Пускай и расхлёбывает. А то ему и рыбку съест и косточкой не подавиться. Долбогонов.

Коля. Иван Иванович.

Сергей. Иванушка-дурачок. Было у отца три сына. Старший – Петя, средний – Вася, ну а младший был Иван-дурак. А Иван Иванович – дурак в квадрате. Ещё бы фамилия Иванов была, чтобы в кубе совсем идиотом стать. Говорят же: нельзя называть детей как себя, иначе они дураками будут.

Коля. Не так. Говорят, они будут повторять судьбу родителей.

Сергей. Ну вот и повторяет. Представляешь, какая звезда у отца на лбу сияла, чтобы ребёнка своим именем назвать?

Коля. Ну Иван Иванович старается.

Сергей. Ага. От стараний кожа натягивается и лопается. Взлететь всё хочет. Птица. И не боится упасть. Потому что пол вот – близко, падать некуда.

Коля. Каждый упасть может.

Сергей. Само собой. Только нам-то не страшно падать. Мы люди простые, мы выпутаемся. А вот артистам как? Скажем, пел один мужик на сцене лет десять. По телеку его крутили, все морду его знали. И тут – бац – звезда его закатилась и на деньги влетел. Что делать? Он в грузчики не пойдёт. И не потому, что делать больше ничего не умеет. Каждый, по сути, умеет многое. Ноги есть – всё, значит ходить можешь, курьером бегать. Ну не у нас в городе, а в Москве, к примеру. И вот ты можешь шмотки туда-сюда таскать, а этот мужик не может. Потому что гордость не позволяет. Потому что люди засмеют. Меня, если у меня что не получилось, – в другой город уехать, к примеру, – подколят пару раз и успокоятся. А ему проходу не дадут. Да он сам себе не даст. Изнутри выгрызет. Так что я лучше как-нибудь скромно проживу свой век. Зато я не боюсь ничего. А эти все боятся. Богачи за деньги трясутся, артисты – за успех. Так в страхе и живут.

Коля. Иван Иванович-то чего боится?

Сергей. Тёщу. Если бы не тёща, до сих пор бы гайки на заводе точил.

Коля. Пойдём посмотрим, что с тигром.

Сергей. Не суетись. Ничего с тигром не случилось. Не поел пару дней – выживет. Вот слон бы не выжил. Он бы и тебя, и меня хоботом схватил и съел за милую душу.

Коля. Да не могу я так. Звери голодают, а я стою тут.

Сергей. А ты присядь, расслабься. Из дома супчику принеси.

Коля. Тигры суп не едят. Я итак из дома всё, что было, перетаскал. Скорей бы Арсений Петрович из больницы вышел. Он бы на раз вопрос решил.

Сергей. Так и Гондурасов решил бы. Ему же Петрович деньги оставил.

Коля. Сказал: не оставил.

Сергей. Ага. И «Прадика» сразу купил. Как деньги не оставил, так сразу и машина появилась.

Коля. Её друг дал покататься.

Сергей. Тебе много друзей машины дают?

Коля. Ну он, вроде, за услуги. Иван Иванович что-то починит, и друг ему, пока чинит, машину дал.

Сергей. Коля, тебе в детский сад пора. На утреннике Деду Морозу в ладони хлопать. И колпак такой ещё вытянутый с бумбончиком на конце. Ты скажи лучше, как дела у Александра Сергеевича.

Коля. Нормально дела у него.

Сергей. Женился?

Коля. Холостяк. Ящики грузит. Принесёт ящик и скажет: «Я вас любил. От чего же боли? Да от любви».

Сергей. В пояснице боли?

Коля. В ней родимой. Пойдём тигра посмотрим. Не могу. У меня мясо от косточек от волнения отваливается.

Сергей. А ты, что отваливается, тигру кидай через клетку. Он поест.

Коля. Я пошёл. (Идёт к двери вагончика.)

Сергей (поднимается с дивана). И кто тебя на эту шабашку подписал, Серёга? Молодец тоже. То с цирком связался, то с зоопарком. В следующий раз лучше с казино свяжись. Хоть денег заработаешь.

Коля выходит из вагончика. За ним, что-то бормоча под нос, следует Сергей. Перед тем, как выйти, он щёлкает выключателем. Через небольшой промежуток времени в вагончик проникает мутноватый свет. Две тени о чём-то шепчутся в темноте, смеются. Женский неловкий смех тонет в басовитом уверенном смехе.

Иван Иванович. А, вот он где.

Загорается яркий электрический свет, и две бывшие тени смотрят друг на друга. Иван Иванович, крупный от природы мужчина, кровь с молоком, одет в новый деловой костюм с галстуком. Волосы зализаны назад. Пряча одну руку за спиной, он широко улыбается Алине, вдруг опустившей взгляд, когда они с Иваном Ивановичем встретились глазами.

Иван Иванович. Алина Батьковна, добро пожаловать в мои владения. Смотри, как круто. Я сам в шоке. (Неприятно смеётся.) Как тебе?

Алина. Здорово. А животные где?

Иван Иванович. Я сам животное. Хочешь проверить, какой я дикий? Ты же любишь диких быков?

Алина. Мустангов.

Иван Иванович. Мустангов любишь?

Алина. Я ручных животных люблю. Всегда мечтала потрепать по ушам маленьких тигрят. Они есть?

Иван Иванович. В моём зоопарке всё есть.

Алина. Здорово. Мы как в фильме, да? Как из «Юрского периода». Одни среди спящих хищников.

Иван Иванович. Даже больше.

Алина. А как ты их находишь? Ты же не только покупаешь, да? Наверное, спасаешь кого-то от живодёрни, от мошенников?

Иван Иванович. Конечно.

Алина. Ты хороший. Я очень животных люблю.

Иван Иванович. И меня?

Алина. Ну, если ты такое животное, как говорил.

Иван Иванович. А какие тебе нравятся?

Алина. Всякие. У меня кошка была. Её машина сбила.

Иван Иванович. А коты? Коты нравятся?

Алина. Говорю же: у меня кошка была.

Иван Иванович. У меня тоже кошка была. В армии. Люська-наркоманка.

Маленькая вот такая. (Складывает ладони в комок, изображая кошку.) Как только курить начинаешь, она прибегает, ты пускаешь ей паровоз в рот – она аж глаза закрывает. В миску ей лук бросишь, на хвост наступишь – она лук жрёт с такой жадностью – вообще. Лишь бы ногу вовремя убрать, потому что когда лук закончится, она кидается на всё и царапается.

Алина. Ты шутишь?

Иван Иванович. Конечно. Конюшня. Иван Иванович – с юмором. Пойдём, я тебе покажу кое-что. У меня курорт здесь. Звери балдеют. В шезлонгах лежат, мартини через трубочку пьют. Тигр зайца недавно через трубку выпил. (Смеётся.) У меня и зайцы балдеют плесень. В «Плэйбое», знаешь, такие прыг-прыг. В трусиках.

Алина. В «Плейбое» зайчихи прыг-прыг, а не зайцы.

Иван Иванович. Ну да. И я такой за тобой – прыг-прыг.

Приближается к Алине. Алина отходит от него.

Алина. А я так от тебя – скок-скок.

Иван Иванович. А я так тебя за попу – хватать-хватать.

Алина. А я так по лицу тебе – хрясь-хрясь.

Иван Иванович останавливается, убирает руку из-за спины, протягивает что-то Алине.

Иван Иванович. Тебе.

Алина. Что это?

Иван Иванович. Красная коробка.

Алина. Красная? А ты знаешь, что только мужчины бывают дальтониками?

Иван Иванович приглядывается к коробочке.

Иван Иванович. Да красная. Что ты мне лежишь?

Алина. А в коробочке что?

Иван Иванович. Сюрприз для тебя. Открой.

Алина. Прямо так в первую встречу и сюрприз?

Иван Иванович. Да, прямо так.

Алина. Ты всем брильянты сразу даришь?

Иван Иванович. Да это не брильянты. (Открывает коробочку, достаёт из неё кольцо.) Тебе.

Алина. Спасибо. (Берёт кольцо, примеряет на палец.) Маловато.

Иван Иванович. Раскатаем. Я вот, видишь, печатку раскатал. (Показывает левую руку с кольцом-печаткой на ней.)

Алина. И что, думаешь: я тебе сразу дам? Вот на этом диване.

Иван Иванович. Нет. Сначала шампанского выпьем.

Алина. И в ЗАГС ходим.

Иван Иванович. Он закрыт ночью.

Алина. Утром. А коробочка почему такая потрёпанная?

Иван Иванович. Какая была.

Алина. В магазин новых не привезли?

Иван Иванович. Из дома коробка.

Алина. Кольцо тоже?

Иван Иванович. Кольцо из магазина. А какая разница? Я жизнь новую решил начать. Думаю: встречу первую женщину, которая понравится, и сразу ей кольцо подарю и в Турцию позову.

Алина. Тяжела жизнь холостяка.

Иван Иванович. Бабла – море, а счастья никакого.

Алина. А теперь самое время валиться на диван.

Иван Иванович. Я серьёзно. В Турцию поедешь со мной?

Алина вглядывается в Ивана Ивановича.

Алина. А поеду. Я никогда за границей не была.

Иван Иванович. Я тоже. В смысле, всё один и один.

Алина. А я как знала. Только загранпаспорт получила.

Иван Иванович расплывается в улыбке.

Иван Иванович. Ну что – я за шампанским? Ну отметим, и всё такое.

Алина. А и за шампанским можно. А к тигрятам когда?

Иван Иванович. Шампанского выпьем – и пойдём.

Иван Иванович кидается к выходу, но когда он уже готов прыгнуть в темноту, дверь открывается и в вагончик вваливаются Сергей с Колей.

Сергей. О, какие люди в Голливуде! Смотри, Коля: начальство бдит, ночами не спит, за работу болеет. А ты беспокоишься напрасно. Вон и женщина на борту. Тут всё в порядке.

Коля. Здравствуйте.

Иван Иванович от неожиданности останавливается на месте.

Иван Иванович. А вы здесь...

Сергей. А мы здесь воздухом дышим. Воздух – сказка сибирская. С молодости надышаться не могу. Носом раз так – и занюхнул пару сосен.

Иван Иванович. Зачем припёрлись?

Сергей. За делом, Ваня, за делом пришли.

Коля. Иван Иваныч, тигра покормить бы. Трое суток не ест.

Иван Иванович оглядывается на Алину.

Иван Иванович. Завтра доктора вызову и покормим.

Коля. Да вы денег дайте, мы сами купим.

Иван Иванович. Завтра приходите. Всё будет. Завтра.

Сергей. Да не будет никакого завтра. Я себе постоянно говорю: «Серёга, завтра будущее грянет во всём великолепии». А вот фиг оно, а не будущее. Я всё надеялся, что сделаю задел для него сейчас, и тридцать лет в тайге-то и прожил. Нет будущего. Есть настоящее. В нём жить надо и удовольствие получать от жизни. И зарплату тоже. Ты нам заплати, и мы уйдём сразу.

Иван Иванович. Нечем платить. С собой ничего нет. Завтра приходите.

Сергей. Я говорю: завтра – это почти сегодня, но совсем не сегодня. Зарплату нам отслюнявь – и можешь дальше на самолёте любви летать. Со стюардессой.

Алина. А вы уползёте, пока мы полетим.

Сергей. Да уж отползём по тихой грусти. И прыгать не станем. А выше головы-то и не прыгнешь, потому что выше уже потолок. Он по башке стукнет, и ты обратно на корты присядешь. А на кортах уже привычней. И так и должно быть, а то птицы низкого полёта, которые и летать не умеют и не птицы вовсе, вверх прыгают и падают назад, на головы тех, кто внизу стоит, и давят их. Сами не летают и других давят.

Иван Иванович. У меня на карте деньги. Я не могу сейчас.

Сергей. О, а за «Прадик» деньги быстро улетели. С карты.

Иван Иванович. Хочешь, я тебе бутылку шампанского в залог дам?

Сергей. Зачем мне шампанское? В нём газы. Отдай мне стюардессу, раз такой щедрый.

Алина. Что ты про стюардессу сказал?

Сергей. Да я про газы говорю. Газами сыт не будешь, на бутер не намажешь.

Коля. Я про газы историю знаю. Мы с Пушкиным когда ящики в порту грузили, я говорю: «Александр Сергеевич, а давайте, я понесу ящик с шампанским», и беру так один бутылка подмышка. А Пушкин мне: «Нет, я сам понесу. И так выпил бутылку и понёс её в животе. А я ему вдогонку: «Там же газы!» А он: «А газы я тебе отдам – лови».

Алина (Ивану Ивановичу). Твои работники, да?

Иван Иванович кивает головой.

Алина. Вежливости не учили их.

Сергей. Да куда уж нам? До аристократов.

Алина. А может, мы сами уйдём?

Иван Иванович. Сами так сами. (Не двигается.)

Сергей. Ваня, заплати и делай, что хочешь.

Коля. Тигр голодный. Я ему кашу принёс, а он не ест. Он же хищник. Ему мяса бы.

Иван Иванович (после паузы.) Нечем платить. В кабаке наличку оставил.

Алина. Ты много им должен?

Сергей. За полтора месяца. Как зоопарк приехал, так мы денег и не видали.

Алина. Может, возьмёте это? (Протягивает кольцо.)

Сергей. Спасибо. Мы не ломбард.

Алина. В залог. А завтра Иван Иванович вам заплатит.

Сергей. Тогда я до завтра здесь посижу. (Садится на диван.)

Иван Иванович. Уходите.

Алина. Давай, сами уйдём.

Иван Иванович. Мы не уйдём. Это принципиально.

Сергей. Ну вот и мы принципиально. Да, Коля? А где Коля? (Оглядывается вокруг. Встаёт с места.) Коля? Когда он вышел-то? (Оглядывается на Ивана Ивановича.) Коля ушёл. Представляешь?

Иван Иванович. Ну и ты иди за ним.

Сергей. Нет, ты не понял. Коля не просто ушёл, а конкретно ушёл.

Сергей спешит к выходу из вагончика.

Сергей. Счастливого полёта.

Дверь за Сергеем закрывается.

Алина. Ничего не понимаю.

Иван Иванович. Я тоже не всегда понимаю его.

Алина. Почему ты не платишь им?

Иван Иванович. Плачу. Случайно задержал. Ты Серёгу сильно не слушай. Он понаговорит.

Алина. Да я поняла.

Иван Иванович. И кольцо не отдавай. Вот им, а не зарплата. (Показывает фигу.)

Алина. Может, к тебе поедет? Ты же этого хотел.

Иван Иванович. А спящие хищники?

Алина. В другой раз.

Иван Иванович. Сейчас, посидим немного.

Алина. У меня настроение пропало. Почему ты позволяешь работникам так разговаривать? Они работают на дядю, молчали бы в тряпочку.

Иван Иванович. Да растерялся. Сама понимаешь – не ожидал ночью встретить.

Алина. А в Турцию летим?

Иван Иванович. Один вопрос решу, и полетим.

Алина. Здорово. Там же тепло? И море. Я никогда море не видела. Во сне только.

Иван Иванович. Ну вот и увидишь.

Алина. С машинкой к тебе прикопались. Завидуют.

Иван Иванович. Конечно, завидуют. Тачка крутая. Хотя, по-честному, по нашим дорогам самая лучшая тачка – это уазик. Всё просто: четыре рессоры, восемь подушек – и вся подвеска. Ремонтировать легко. У меня у соседа по даче новый уазик был, так ему сорок лет уже, а он до сих пор бегаёт.

Алина. Ремонт? Какая разница – не ты же ремонтируешь.

Иван Иванович. Ну и что? В Японии на узики вообще очередь. Любые покупают, старые, новые – всё равно. Там самоделкины есть, у них руки чешутся, и они берут уаз полностью разбирают, краску сдирают и собирают новый. Мечта просто получается, из ничего.

Алина. Мечта из ничего?

Иван Иванович. Конечно.

Алина. А дача у тебя где? В Сиротском посёлке? Ну где мэр и остальные крутые предприниматели.

Иван Иванович кивает.

Алина. Коттедж?

Иван Иванович. Огромный. Три этажа.

Алина. У соседа рабочий уазик? Он лесник?

Иван Иванович. Да, мутит с лесом. Я с зоопарком замутил, он – с лесом.

Алина. Грустно одному в трёхэтажном коттедже, да?

Иван Иванович. Конечно, грустно.

Алина. Ты был женат? Дети, да?

Иван Иванович. Да так – давно было.

Алина. А дети, говорю, есть?

Иван Иванович. Ну там один. Два. Алименты плачу. В конверте. Нам хватит бабла для кайфа.

Алина. Да я так. Знать хочу. На будущее. Которого нет, как твой работник сказал.

Иван Иванович. Да не слушай Серёгу. Пургу несёт.

Алина. Пургонёс.

Иван Иванович. Как?

Алина. Пургонёс и пургочёс.

Иван Иванович неприятно смеётся.

Иван Иванович. Пургоклюй.

Алина. Пугромёт.

Иван Иванович. Пурго...

Осекается на полуслове. В вагончик заходит бледный Сергей. В его руке бутылка шампанского.

Сергей. Ну радуйся. Тигр покушал.

Алина. В «Гастроном», что ли, сбегали?

Сергей. Ага, в «Гастрик» по-быстрому сгоняли, Колю на кусочки порубили и тигру на блюде принесли.

Алина. Вы так с тигром носитесь, будто других животных в зоопарке нет.

Сергей. И я так же Коле говорю. А он: «Хищник кашу не ест». Хищник людей ест. И люди друг друга едят за милую душу. Да, Ваня?

Иван Иванович. Надо было уволить вас месяца полтора назад.

Сергей. Надо было. И тебе тоже надо было у Розы под крылом сидеть, и всё бы великолепно было. А мы в зоопарк попёрлись, на заработки. А директор на больничный в кому уехал.

Иван Иванович. Не в кому. Просто в палате лежит.

Сергей. И ушами шевелит. И ничего не впечатляет его. Это Коля у нас впечатлительный. Взял – и в клетку залез.

Алина. Зачем?

Сергей. Ну чтобы тигр Колю скушал. Коля-то жить не хочет. Ему тигр важней. Ваня, чуешь: по тебе клетка заплакала? Мужчины строгие, лица серьёзные.

Иван Иванович медленно меняется в лице.

Сергей. Стоишь? Стой. Жди – тигр наестся, чтобы срок тебе побольше намотать.

Иван Иванович срывается с места, бежит к выходу.

Сергей. Да ты сильно не торопись! Споткнёшься ещё. О, как бежит. (Алине.) Шампанское будешь?

Дверь за Иваном Ивановичем захлопывается. Алина после небольшого замешательства порывается броситься за ним.

Сергей. Стой. (Ловит Алину за руку.) Куда?

Алина кидает ошалелый взгляд на Сергея, пытается выдернуть руку.

Сергей. Пусть сами разбираются.

Алина. Но его порвут.

Сергей. Пускай. Тебе-то что?

Алина. Отпусти.

Сергей. Я тебя не держу. Это совесть тебя держит.

Алина. Я кричать буду.

Сергей. Кричать надо было, когда шла сюда ночью. Какой чёрт тебя дёрнул?

Алина. Не твоё дело.

Сергей. Отпускаю.

Алина. Что?

Сергей отпускает руку Алины. Она пытается ухватиться за воздух. Естественно, промахивается и падает на пол. Сергей наклоняется к ней, чтобы поднять, но Алина отталкивает помощь Сергея, поднимается и садится на краешек кресла, долго молчит.

Алина. Где шампанское?

Сергей. Да вот оно. (Открывает бутылку, пробка выстреливает в потолок, шампанское льётся на пол.) Только рюмок нет. Из горла. (Протягивает бутылку Алине. Она берёт, делает большой глоток.) В кабаке с Ваней познакомилась? (Алина кивает.) В каком?

Алина насупилась, молчит.

Сергей. Тайна, покрытая мраком. Или мрак, покрытый тайной. Или подводная лодка в нейтральных водах, пока противник не видит, ворует всё, что плохо лежит.

Алина. В «Деляне».

Сергей. А-а, бар сук.

Алина. Что?

Сергей. Барсук – зверь такой. Все мужчины, когда хотят лёгкую женщину, ходят в бар сук. А тяжёлые женщины в то же время в их кроватях дома спят. Лёгкие женщины всегда лучше, чем тяжёлые. Потаскай эту тяжесть попробуй: то не так, это не этак, а зарплату ты замылил, а мылом ты верёвку не намылил.

Алина. Ты на что намекаешь?

Сергей. Говорю: женщина ты хорошая. Все хорошие женщины по барам ходят и ночами с мужиками бухими куда попало ездят.

Алина. А ты кто, чтоб так со мной разговаривать?

Сергей. Дед Мороз.

Алина. Какой ещё Дед Мороз?

Сергей. А тот, что Коле на ёлку приходил в детский сад, и Коля с бумбончиком на голове сидел и в ладони ему хлопал. Я, главное, Коле говорю: «Ты зачем раньше времени под землю лезешь. Успеешь туда». А он: «Нравится мне. Я там отдыхаю». В гараже внизу, где картошку хранят, построил комнату. Досками стены оббил, диван, кресло приволок, торшер поставил, книжную полку. Люди из-под земли вылезти не могут, смерти боятся, а этот сам к ней лезет.

Алина. Его прямо съел тигр?

Сергей. Целиком проглотил, рот открыл и закрыл – и Коля уже внутри. Тигр лапы еле волочит. Ладно, Серёга, сам виноват.

Алина (после паузы). Тяжело в зоопарке, да?

Сергей. Да как? Работа как работа. В цирке хуже. Работаешь – значит рабочий. Дома – домовый, в часах – часовой, а на работе – рабочий.

Алина. А тигр далеко отсюда?

Сергей. Да, считай, прямо здесь. Первая клетка.

Алина. Идти близко к нему?

Сергей. А я что – не так сказал? Дверь открыл – ты у тигра.

Алина. Он злой?

Сергей. Кто?

Алина. Тигр.

Сергей. Да ты что? Добрейшей души человек.

Алена. Может, он ручной?

Сергей. Да надеюсь.

Алина. Как-то Ивана долго нет.

Сергей. Скоро придёт. Это обезьяны быстрые, а люди помедленней будут.

Алина делает глоток из бутылки шампанского. Протягивает Сергею.

Сергей. Женские напитки не употребляю.

Алина. Их тигр обоих порвал, да?

Сергей. На завтрак порвал. Знаешь, что говорил Цезарь? Завтрак съешь сам. Обед тоже. Ужин – сожри и его. И полдник. Всё схавай. И тогда ты будешь толстым, красивым и культурным. А культурным почему? Потому что сытые люди грубить не будут. Это с голодухи матерятся, пинаются и прочее. Все войны от голода.

Алина. Зря я сюда пришла, наверное.

Сергей. Так я так и сказал.

Алина (делает глоток). Да просто хотелось сказки. Я всю жизнь копейки считала за прилавком этим, а тут счастье такое.

Сергей. А за прилавком все на тебя пялятся.

Алина. Да как дура стоишь.

Сергей. И клиенты только выбирают, что получше, кто покрасивее.

Алина. Ты меня не поймёшь.

Сергей. Да нет, я тебя понимаю. Я бы тоже сразу ночью в зоопарк на крутой машине ломанулся.

Алина. Да ну тебя.

Сергей. К мастерку.

Алина. Какому ещё мастерку?

Сергей. Сыну мастера. Или не совсем сыну. Это как сапожник без сапог, гардеробщик без гардероба, электрик без электрички, мастер без мастерка.

Алина (ничего не понимая, качает головой). Ты давно в зоопарке?

Сергей. Два месяца.

Алина. Местный?

Сергей. Из соседнего дома.

Алина. А Иван – крутой?

Сергей. Как яйца варёные.

Алина. Я так и думала.

Сергей. Беги отсюда, пока не поздно.

Алина. Я разберусь, что мне делать.

Сергей. Тогда разбирайся. Как разберёшься, мне подмигни – я всё пойму. Сразу на барабанах играть начну, тумбу-юмбу отплясывать.

Алина. Ты меня обманываешь. Ты слишком спокойный. Вы специально Ивана провоцируете, я поняла уже.

Сергей. Ну если поняла, зачем душу рвать?

Алина. А я не рву.

Алина с показной уверенностью разваливается в кресле, делает глоток шампанского.

Сергей. Поздно пить боржоми, когда почки отказали.

Алина вглядывается в Сергея, пытаясь понять, что он имеет в виду. Приподнимается.

Сергей. Да сиди, говорю. Волноваться не о чем. (Напевает.) Четыре трупа возле танка дополняют утренний пейзаж.

Алина. Так всё-таки...

Сергей (поёт громче). Четыре трупа возле танка дополняют утренний пейзаж.

Дверь в вагончик медленно открывается. На полусогнутых ногах в него заползает Иван Иванович и волочёт с собой Колю на плече.

Сергей. О, какие люди в Голливуде.

Алина подсакивает с кресла, бутылка падает с её коленей на пол и, разливая шампанское в стороны, улетает куда-то вглубь вагончика. Иван Иванович смотрит исподлобья на Сергея и Алину, несёт Колю к дивану, кладёт его.

Иван Иванович (Сергею). Мог бы и помочь.

Алина. Ты прямо заходил в клетку?

Иван Иванович. Пришлось.

Алина. И тигр напал на тебя?

Сергей. Да на кого он нападёт? Он подняться с пола не может. Коля в обнимку с ним лежал. Тигру капельницы ставить пора. У него неделю во рту ни маковой росинки. А кто-то рассекает на новых «Прадиках».

Алина (Коле). Это что у тебя – кровь?

Коля. Пустяки.

Сергей. Коля вены пытался вскрыть, чтобы зверь кровь почуял и кушать стал. Но только Серёга вовремя пришёл. Да, Коля?

Коля. Так нельзя.

Сергей. Ни так, ни этак нельзя. И по ночам дома спать положено, а не по тиграм шарахаться. Эх, Коля-Коля-Николай, сидел бы дома, вырезал бы свои нецки. Карлика бы с большой головой вырезал, или кабана здорового с маленьким чайником. И ты, Серёга, тоже – сердце доброе, грудь широкая, воздуха в ней – пароход, хватит на всех, только пар выпускай.

Иван Иванович. Тут крови-то нет. Поцарапался немного.

Сергей. Вены не задел, к счастью. А то бы «Скорая» сейчас мигалками принеслась.

Иван Иванович (обращается к Алине, пытаясь шутить). «Скорая» – виу-виу.

Сергей. «Скорая» – виу-виу, а «Прадик» – быр-быр-быр?

Иван Иванович. «Прадик», как надо, работает.

Сергей. А надо как? По-честному, наверное.

Иван Иванович. Я итак по-честному.

Сергей. А по-честному – это по-твоему? То есть, как тебе хорошо, так и честно?

Иван Иванович. Так и есть.

Сергей. Твоя правда – самая правдивая.

Иван Иванович. Ну да.

Сергей (Алине). Он тебе хоть заплатил за вызов? Или завтра пообещал?

Алина. Я что, по-твоему, – проститутка?

Иван Иванович. Она не эта.

Сергей. А я не Дед Мороз. Просто бороду приклеил.

Алина (Ивану Ивановичу). Ответь ему что-нибудь. Почему ты молчишь?

Иван Иванович (Сергею). Ты за базаром следи, а то я не посмотрю на возраст.

Сергей. О, и с поправкой на возраст не считаешься? Поправка на возраст – знаешь такую?

Иван Иванович. Дёргайте отсюда. Надоели уже.

Сергей. Не считаешься. А я надеялся-надеялся. Правильно. Надо отменить поправку. А то сначала человеку прощаешь всё из-за молодости, думаешь, что исправится, повзрослеет, а потом списываешь закидоны на старость. Человек так и живёт подонком.

Иван Иванович идёт к дивану с Колей, поднимает его, Коля стонет от боли.

Иван Иванович. Давай, забирай своего друга, и уматывайте отсюда. Достали до самого уже... вот здесь.

Алина. Пойдём сами отсюда.

Иван Иванович. Да не могу я! Проваливайте. Оба. (Бросает Колю на пол.) Бери своего друга, и валите.

Сергей. Ты слышал, по телеку что передавали?

Иван Иванович. Я не смотрю ящик. Уходите.

Сергей. Чиновникам тест на коррупцию проводят. Предлагают деньги. Начинают с миллиона. Отказался – два предложили. Отказался – три. Взял – всё, свободен. И так до ста миллионов. Ты бы на сколько сломался?

Иван Иванович. Я не знаю. (Пытается поднять Колю, тянет его к двери, снова бросает.)

Сергей. Мне кажется, ни одного чиновника не осталось бы.

Алина. А если бы отказался? От ста миллионов.

Сергей. Отказался – молодец, прошёл тест. И все бы пальцем показывали и хохотали. Вот над Ваней никто смеяться не будет. Ваня быстро ориентируется. Деньги дали ему на корм для зверей, а он машину купил.

Иван Иванович (Алине). Не слушай его. Он врёт.

Сергей. Меня слушать не надо. Телек слушай. И смотри. Там «Дежурную часть» показывают, «Криминальные новости», виу-виу за Ваней едет. Я сейчас выйду из вагончика, и за тобой мигом из телека примчатся. В нос микрофоном ткнут и узнают, где золото партии.

Иван Иванович перестаёт метаться с Колей. Медленно разгибается.

Иван Иванович. Так. Я передумал. Оставайся.

Сергей. О, как быстро ты решения меняешь. То вали, то оставайся. То сиди, то стой, то хоть стой хоть падай.

Иван Иванович. Ты сейчас у меня упадёшь.

Сергей. Желательно на диван. И стюардессу мне под бок. Всё-таки ей расплатишься? Деньги в кабаке оставили. Погуляли на славу. Вернее, на Вову. Кабак Вовкин. Помнится, блатных в нём завалили. И ты блатной стал, как устроился сюда, крылья распустил. Орёл, а не парень.

Иван Иванович бросает быстрый взгляд на Алину, делает шаг к Сергею. Коля ворочается на полу, пытается подняться.

Иван Иванович (Алине). Обходи его со спины.

Алина. Зачем?

Иван Иванович. Делай, что говорю.

Сергей. Так и прячешься за бабами. Твёрдое бабское плечо покоя не даёт. Опора и оплот.

Алина колеблется, но всё же обходит Сергея за спиной. Он наблюдает за Иваном Ивановичем, одновременно пытаясь уследить за Алиной.

Иван Иванович (дождавшись, когда Алина окажется достаточно близко от Сергея). Толкай!

Алина толкает Сергея в спину, тот спотыкается и падает прямо на огромный кулак Ивана Ивановича. После встречи с ним, Сергей теряет сознание. Алина наблюдает за телом пожилого мужчины у своих ног.

Алина. Может, теперь ты объяснишь, что происходит?

Иван Иванович лезет под диван, достаёт оттуда верёвку, связывает ей ноги и руки Сергея.

Иван Иванович. Помоги мне.

Алина (бормочет). Теперь-то какая разница?

Иван Иванович. Что говоришь?

Алина. Связывать зачем?

Алина помогает Ивану Ивановичу связать сначала Сергея, а затем – Колю. Обоих усаживают на диван. Коля щурит глаза и стонет, Сергей свесил голову на грудь.

Иван Иванович. Да он бизнес мой сломать хочет. Конкуренты подослали. У меня сделка сейчас. Они, видно, узнали и хотят сорвать её.

Алина. Крупная сделка?

Иван Иванович. Настолько крупная, что после неё мы сразу прыгаем в тачку, летим в аэропорт, берём билеты в Турцию, покупаем там домишко и живём долго и счастливо.

Алина. Ты уехать хочешь?

Иван Иванович. Да проблемы достали. А в Турции никаких проблем.

Алина. Дома, я слышала, в Таиланде покупают.

Иван Иванович. Значит, в Таиланд летим. Поедешь со мной?

Алина молчит, думает.

Алина. Там тепло.

Иван Иванович. Там жара круглые сутки и ни снега, ни ветра, ни проблем никаких.

Алина. Совсем-совсем?

Иван Иванович. Конюшня.

Сцена вторая.

Ночь готова покинуть вагончик. Ранний свет льётся в окно, грустные голодные звери смотрят с афиш на связанных мужчин, задумчивого Колю и Сергея, который понемногу приходит в себя. Под левым глазом Сергея наливаются кровью синяк. Иван Иванович и Алина продолжают долгий ночной разговор в ожидании крупной сделки.

Иван Иванович. Я тоже готовить умею. Максим тогда: «Я не понимаю, как пельмени варить. Они всё время слипаются». А я ему: «Ты что? Их кинул, вода закипела, и помешиваешь». Помешивать надо, и тогда они никогда не слипнутся. Помешиваешь и помешиваешь – шук-шук. Главное – не обжечься.

Алина. А я замуж вышла, готовить совсем не умела.

Иван Иванович. У тебя муж есть?

Алина. Нет. Мы через пару лет развелись. Муж в такси круглые сутки. Я ему тормозки готовила, чтобы в дорогу брать и перекусить, где придётся. Так он поначалу тормозки мне чуть на голову не надевал. Пока готовить научилась, мы и разошлись. А для себя уже готовить неохота.

Иван Иванович. Ничего. Для меня готовить будешь. Или в ресторанах питаться будем, и не будешь готовить совсем.

Алина. Никогда в жизни?

Иван Иванович. Нет, ну почему? Чай там заварить, кофе.

Алина. Это я умею.

Иван Иванович. Японцы, в курсе, как заваривают чай? Они сначала кипятком его заливают, потом сливают воду, потом снова заливают, снова сливают, потом заливают и пьют.

Алина. Так пить уже нечего.

Иван Иванович. Ты что? С кипятком все дубильные вещества выходят.

Сергей. Из дуба дубильные вещества не вывести. Дуб – он и в Африке дуб. А в Сибири дуб такой дуб, что и в Африке не снилось. И шпионы в Сибири – самые опасные. С одной стороны смотришь: шпион, а с другой – дуб дубом. Не тех людей ты, Ваня, в заложники взял, за нас много не дадут.

Иван Иванович. А-а, очнулся.

Сергей. Руки-ноги затекли. Развяжи.

Иван Иванович. Неа.

Коля. Иван Иваныч, не берите грех на себя.

Иван Иванович. Второй очнулся.

Коля. Отпустите зверей. Они как-нибудь прокормятся в городе. Мир не без добрых людей. Кто хлеба даст, кто – колбаски.

Иван Иванович. Что, прямо и тигра отпустить?

Коля: А тигр, что ли, не зверь?

Иван Иванович. Но он хищник.

Коля: Ну и что? Люди – тоже хищники, но они же ходят по улицам.

Сергей. И в кабаках сидят, и водку хлещут, и баб портят.

Иван Иванович. Дубам расскажи о кабаках и бабах.

Алина. Ой, а тигра отпускать нельзя.

Иван Иванович. Ну да.

Алина. Я сама его покормлю, если надо.

Иван Иванович. Это ещё почему?

Алина. Ну на улице среди хищников-людей он быстрее погибнет. Его могут пристрелить. Или машина сбить.

Иван Иванович. Ну да. А ты в ресторане трудишься? У тётки Тани?

Алина. Тебе виднее, где мне трудиться: у тётки Тани, или не у тётки Тани.

Иван Иванович. Так ты знаешь её?

Алина. Тётку Таню каждая собака в городе знает.

Иван Иванович. А-а, ну да. А я думал, ты от неё.

Сергей. Тётку Таню не только собака, но и шакал каждый знает.

Иван Иванович морщится, поглядывая на Сергея.

Иван Иванович (Алине). Я думал, ты официанткой трудишься. Они красивые такие. Ну симпатичные. Официантки и стюардессы – хорошая профессия для девушки.

Сергей. Все профессии хороши.

Коля. А я помню, мы с Александром Сергеевичем ящики в порту грузили, и он мне говорит: «У Лукоморья дуб зелёный, а сморишь – это кипарис».

Сергей. Грузчик – нормальная профессия. Ты ведь услуги продаешь, не в рабство лезешь. И полы мыть не западло. Западло воровать, обманывать и продавать в рабство душу с телом.

Коля. Пушкин мне однажды предлагал из грузчиков перейти в космонавты, а я ему в ответ: «Александр Сергеевич, зэков не берут в космонавты».

Алина. Ты зэк, что ли?

Коля. Самый настоящий. Зэк и друг поэта.

Сергей. Коля, что ты несёшь? Какой ты зэк?

Коля. А друг поэта какой?

Сергей. В поэта я больше верю, чем в зэка. Тебя освободили двадцать лет назад.

Иван Иванович. Оппа, а Коля-то наш сиделец.

Сергей. Да все бы сидельцы были такие как Коля, был бы рай земной. Он по малолетке друга в армию провожал...

Коля. Друга-поэта. Звали его Санёк. И отчество – Сергеевич.

Сергей. И кто-то из своих шапку в коридоре украл. А пацаны молодые, головы горячие, взяли и побили вора. А вор инвалидность получил и в суд на них подал. Вот Коля и схватил три года.

Коля. А за друга ничего не жалко.

Сергей. Не жалко. Только работы нормальной со справкой не найдёшь. Вот и скитается Коля по всяким шабашкам и меня с собой тянет. В цирке, помнится, работали. Я на своём «Жигули» целый зверинец возил. Медведь у меня впереди сидел, сзади – змея, какой-то козёл горный, обезьяна, фокусник.

Алина краем уха следит за разговором мужчин, подходит к зеркалу, притрагивается к коже на лице, смотрит на своё отражение и отражение Ивана Ивановича за её спиной, который с важным видом прогуливается по вагончику.

Иван Иванович. Про обезьяну расскажи.

Сергей. Развяжи – расскажу.

Иван Иванович. Не могу. Сделку закончу, тогда посмотрим.

Сергей. Ну и я расскажу, когда посмотрим.

Иван Иванович. Да рассказывай сейчас. Всё равно скучно. Девушку порадуй.

Алина. А что с обезьяной?

Сергей (после раздумья). Ладно. Бабы как-то попросили обезьяну привязать. Ну ошейник ей надеть, поводок прицепить и увести со сцены. Я пошёл. Встал возле неё, ошейник надел, смотрю на обезьяну и поводок привязываю. И тут она мне как – бац! – в левый глаз. А кулачки такие маленькие, но такие крепкие. Боль такая, что не высказать – аж слёзы полились. Хожу я с фингалом, как дурак. Неделя прошла. Меня бабы опять просят обезьяну привязать. Я пошёл, так же привязываю и смотрю, чтобы она не зарядила мне. И тут опять как – бац! – во второй глаз. С такой скоростью, что фиг увидишь. Как скальпель чиркнул или пуля как летит. Резко, в общем, невероятно. И тогда я понял, что такое обезьяна.

Алина. Ничего себе.

Иван Иванович. Ты дальше слушай.

Сергей. Прошло ещё три дня. Я уже с двумя фингалами хожу. Мне бабы опять говорят: «Яшку привяжи». Я им: «На фиг Яшку вашего. Я уже, как «Жигули» моё, двумя фарами свечу. А за рулём так всеми четырьмя дорожку освещаю». Они спросили меня, в чём дело, я объяснил, и мне бабы говорят: «А ты зачем в глаза обезьяне смотришь? Звери воспринимают это агрессией». И точно. Я пошёл, глаза в пол опустил, наощупь Яшку привязал – и всё. Он мне руку протянул, я его за руку взял, и мы пошли.

Иван Иванович неприятно смеётся, поправляет галстук, подходит сзади к Алине, заглядывает через её плечо в зеркало, улыбается себе, поглядывает на Алину. Она отходит от зеркала, проводит рукой по столу, рассматривает без интереса подсвечник.

Иван Иванович. Будешь знать, как с обезьянами связываться.

Алина. Грустная история.

Сергей. А у нас все истории грустные, и песни заунывные. У Коли особенно. Коля правду всё ищет. Помнится, с рыбаками чуть не подрался на речке-вонючке.

Коля. А я не понимаю, зачем в грязной воде рыбу ловить. Её всё равно нельзя есть.

Сергей. Зачем? Из спортивного интереса.

Коля. А когда поймал, что с ней делать? Отпустить? А рыба покалечена, рот порван, голова порвана.

Сергей. Тоже верно.

Коля. А так подумать если: боксёр на улицу выходит и из спортивного интереса бьёт всех вокруг, а штангист детские качели в узел связывает.

Сергей. А баскетболист камни в окна кидает.

Коля. А футболист что делает?

Сергей. А футболист пинает всё, что под ногу попадётся. Коляска детская – пнул, бабушка через дорогу просила вести – пнул, и не просила – пнул. Всех пнул. Из спортивного интереса. И заболел сразу. В спорте болеть принято.

Коля. Это точно. А я когда смотрю футбол, думаю: обязательно ведь надо за кого-то болеть. Если наши с кем-то играют, думать нечего: наши всегда правы. Иначе никак. А если обе команды чужие, я выбираю тех, кто слабее, и болею за них. Потому что кто им поможет, кроме меня?

Сергей. Кроме тебя, Коля, им поможет только умение играть. А так – больше никто. А, получка ещё. Ну и всё.

Иван Иванович (расправляет плечи, разминает шею). Главное – собой оставаться.

Сергей. Почему?

Иван Иванович. Ну не важно – как играешь. Главное – оставаться собой.

Сергей. А-а, что бы ни случилось в любой ситуации оставайся собой.

Иван Иванович. Конюшня. (С видом победителя обходит свою территорию – вагончик.)

Сергей. Ага, вот был ты гондоном, гондоном и оставайся.

Иван Иванович. Это ещё почему? Всё равно люди не меняются. Если я скала, то я скала.

Сергей. Не меняются только дураки и дороги. Да и те меняются.

Иван Иванович. Да почему? Сильно чтобы вообще никто не меняется. Если ты грузчик по жизни, ты им будешь всегда, а если ты матёрый чувак, ты просто момента ждёшь, чтобы показать всем, что реально можешь, и показываешь.

Сергей. Ага, знал бы где подстелить, там бы давно валялся.

Иван Иванович (останавливается). Ну скажи: ты ни о чём не жалеешь? Как жил, что творил.

Сергей. Ну как? Я жил так, как мне нравилось, и ничего исправить нельзя.

Пластическую операцию на прошлом не сделать. Настоящего жалко, и книг мало стал читать. Пять лет книги не читаю, а словарь-запас бедным стал. Человек без книг укорачивается и красноречие пропадает. Я русскую литературу любил. Не потому, что патриот, а из-за быта. Там быт: показано, как люди жили. Горький, к примеру, он же не свистел – вот эти: «Детство», «Отрочество», «Юность».

Иван Иванович. Да ну эти книги. Я пару книг прочёл. Ну про тачку, про устройство, прочёл, ну и всякую лебеду типа Буратино и тому подобное – в детстве ещё. Взрослому надо бабло печатать, а не книги читать. Бизнес суетить. Чего реально жаль, так это бабла не заработанного и зря потраченного.

Сергей. Не жалею деньги. Они тебя не жалеют. Лучше о совести беспокойся и зря прожитом настоящим.

Иван Иванович. Моя совесть чиста. (Пауза.) Как банный лист.

Сергей. Ну не знаю. А мне всю жизнь за что-нибудь стыдно.

Иван Иванович. Ну вот тебе стыдно, ты и мучайся.

Алина слушает разговор мужчин и почему-то становится всё мрачнее и мрачнее. Иван Иванович вновь начинает обход владений, что-то мурлыча себе под нос.

Коля. А мне всегда спокойствия хотелось. Тишины ещё. Место какое-нибудь найти, чтобы сидеть в нём и спокойно себя чувствовать, не думать ни о чём.

Сергей. Спокойствие не от места зависит – от обстоятельств. Одни в тайгу охотиться приезжают, ради удовольствия, а другие, зэки, лес валить. В одном месте разным людям одним очень хорошо, а другим очень плохо.

Коля. В тайге медведям только хорошо. Летом – комары, зимой – морозы.

Сергей. Ну, с тайгой пример неудачный. А, к примеру, острова в море, Америка та же – одни отдыхать приезжают, а других привезли рабами.

Коля. Точно. Насильно поймали и привезли.

Сергей. Ну не обязательно ловить. Люди сами лезут в проблемы. Я, к примеру, уехал на Кубань, пожил там пару лет. Вот надо было зубами цепляться и оставаться там, а я сглупил, вернулся. Понимаешь, сдаваться нельзя. Никогда. Если ты проиграешь, ты проиграешь в любом случае. Так что надо бороться до конца. А вдруг вылезешь как-нибудь? Просто кажется иногда, что если вернуть всё, как было, станет лучше. А не станет. Потому что, как было, не вернёшь.

Алина. А как было?

Сергей. Да всяко-разно было. «Желаю, чтоб было как было, ведь как-то было, потому что никогда не бывает так, чтобы никак не было».

Алина. Я тоже эту надпись на бетонке видела.

Сергей. А по морю идёшь и от нечего делать всё подряд читаешь, будто там чего-то хорошего напишут.

Коля. По водохранилищу. Бетонным забором реку загородили и ГЭС поставили. Откуда здесь море?

Сергей. Коля, людям охота моря в Сибири. Тут ни кипарисов, ни винограда во дворе. Картошка только. Вот люди и назвали водохранилище у ГЭС морем. И верят, что это море настоящее. Вера – она побег от реальности. А бежит слабак. Но я не убежал. Я домой приехал в отпуск, с друзьями загулял тут. Понравилось мне, и подумал: «В Сибири тоже всё в порядке». А весна как раз была, а потом лето. Короче говоря, пока морозы грянули, я уже и работу нашёл, и бабу. Так и остался на родине. Потом детишки пошли. Сын вырос. Уже и пенсия не за горами. На пенсии и поеду на Кубань. От друзей подальше. Я как вернулся, они пару месяцев со мной повеселились, и всё. Я их и не вижу, и не слышу. Лет тридцать уже.

Иван Иванович. Накосычил, Серёга?

Сергей (пожимает плечами). А я не понимаю, как жить, чтобы не косячить. Не напиваться в хлам, не говорить лишнего. Всегда делать правильный выбор. Не так чтобы из двух зол лучшее, а конкретно правильный. Чтобы не показывать, что не жалко или плюнуть – всё равно теперь-то, а реально, чтобы довольным быть. Живёшь ведь один раз. Ничего не знаешь: что правильно делать, что – не правильно. Понятно, что правильно есть только одно, а всё остальное – неправильно. Вот и косячишь, пока не разберёшься. А как разобрался, глядишь – а жизнь уже и прошла.

Иван Иванович. У кого прошла, а у кого только началось строительство новой жизни.

Сергей. С фундамента нового.

Иван Иванович. Можно и так сказать.

Сергей. Дом до основания ломаешь и новый строишь на его месте.

Иван Иванович. А почему бы и не построить?

Сергей. Да флаг в тебе руки. Даже два – в две руки. Сколько раз можно дом сломать?

Иван Иванович. Да хоть сколько.

Сергей. Ну сколько – два, три, десять? Явно, что один раз можно, так, до основания, до фундамента. А фундамент так просто не ломаешь. И силы другие надо, и технику. Экскаватор какой-нибудь, чтобы глубоко врытые в землю сваи убрать. И то не факт, что выдерешь. И сил нет, и экскаваторов. Поэтому дом сломали разок и потом ходят по кирпичам молотком бьют, или ногой пнут. Больше ничего и не могут. Строить не умеют, да и сломать толком не получается.

Иван Иванович. Это потому что лохи. А матёрые чуваки до основания дом рушат и строят новый. Потому что могут. Вот все думали, что я тачку не могу купить, а я – оппа, и новенькую из салона оттяпал. Потому что могу.

Сергей. Да тебе что тигра переступить, что человека – ничего не стоит. Никакого табу.

Алина. А разве есть табу?

Сергей. Несомненно есть. Человек тем и отличается от зверя, что у него соображалка на будущее работает. А так кого угодно чему угодно научить можно. Тигры

через горящий круг прыгают. В природе не прыгают, а на арене цирка – за милую душу. Но они думают только о моменте сейчас. Они о будущем не думают. Сейчас поел – и в порядке. А люди должны головой думать. У меня племянница взяла кредит и не знает, как отдавать. «Тойота» под окнами колёса раскорячила – не ездит на ней никто. Зато кредит платит.

Алина. А будущее при чём?

Сергей. А при том, что ты ведь не будешь писать на заборе или в газете, что мама твоя потаскуха.

Алина. Что ты сказал?

Сергей. О, не нравится. Табу значит. А я ведь просто предложил. Ну в качестве шуточки.

Иван Иванович. Не слушай его.

Алина кивает головой, отстраненно думая о чём-то. Иван Иванович с вялым безразличием наблюдает за Сергеем и Колей, поднимает левую руку и, точно довольный кот, смотрит на золотое кольцо-печатку на толстом безымянном пальце.

Алина. Мне вспомнилась притча про одежды. Старец ходил в старенькой одежде, все его обзывали, оскорбляли. И один купец ему говорит, мол, чего ты молчишь, не защищаешься? А он пригласил его к себе и дал примерить свои одежды. Купец откинул их: «Не хочу мерять твоё рваньё». А старец ответил: "Вот и я не примеряю на себя оскорбления".

Коля. Это о чём?

Алина. Это я к тому, что тело и душа – не одно и то же.

Сергей. О-о, до девочки дошло только. Когда об этом говорили! Душу и тело продавать – одно и то же.

Алина. Телом торговать – унижение. Тем более добровольно. Но есть много внешних факторов, которые могут толкнуть тебя на это.

Сергей. Факторов – миллион. Деньги, к примеру. Мне бы дали миллионов пятьдесят хороших денег, я бы сразу с работы ушёл. Как ехал бы на уазике, остановился, вышел – и ушёл. И трудовую забирать не стал бы.

Коля. И на три весёлых буквы никого посылать не стал.

Сергей. Зачем? Молча, по-английски ушёл бы, и всё.

Коля. Если бы ещё работа была такая, что удовольствие приносит, – другое дело.

Сергей. Ну проституткой, к примеру.

Коля. Нет. Музыканты играют, балдеют и деньги зарабатывают.

Сергей. А, в этом смысле.

Коля. А в грязи ползать...

Сергей. Или на уазике убитом сайгачить.

Иван Иванович (отвлекаясь от кольца-печатки). А реально: проститутку реально по кайфу иметь, не только в прямом смысле, а вообще. А если задуматься, не понятно, почему.

Сергей. Удовольствие владеть проституткой в том, что ты унижаешь её. Ты ведь покупаешь тело человека. Он добровольно тебе его отдаёт, позволяет делать с ним что-то, проникать внутрь. А, к примеру, ты бы не этим самым внутрь, а ножом в живот, а? Добровольно. За деньги. (Пауза.) Да ну, проститутки противные. Мало ли кто их до тебя пользовал. И ты по старым дрожжам лезешь во всю эту грязь.

Алина. Я знала одну проститутку. Она говорила, что телом на работе она была "здесь", а душой – "там".

Коля. Это как?

Алина. Это значит, тело может принадлежать кому-то, а душа – нет.

Коля. Я бы убил всех сутенёров.

Сергей. Успокойся. Ты себя только что чуть не убил. И что за манера: чуть что – бежать в бой.

Коля. А потому что справедливость должна быть.

Сергей. Ой, где она – справедливость? Да и вообще, ты когда на улице говно видишь, ты ведь не бежишь с ним воевать? Не кричишь: «Смотри – говно!» Не говоришь ему, кто оно, ногой в него не наступаешь. Ты ленивый взгляд бросишь на него и дальше идёшь.

Коля. Почему? Бегу воевать.

Сергей. Я заметил. Ночью в зоопарк попёрся. Спали бы сейчас тихо-мирно, а Ваня бы на самолёте летал и рассказы о нелёгкой доли проституток слушал.

Алина (Ивану Ивановичу, показывая на Сергея). Можно я его ударю?

Иван Иванович. Конечно. Конюшня. (Поглядывает на часы.) Немного уже осталось.

Алина. А позвонить и договориться на пораньше или в другом месте никак нельзя было?

Иван Иванович. Нельзя. Деловая встреча. Всё до мелочей продумано, просчитано.

Алина. Ты обещал показать, «как пукает жираф».

Иван Иванович. Вот так: пук.

Сергей. Откуда здесь жирафы?

Алина. Или бизон.

Иван Иванович. А бизон вот так: пук! Бизон круче жирафа.

Сергей. Ваня, а мы умрём, ты что делать будешь? Куда трупы денешь?

Иван Иванович. Похороню.

Сергей. И поминки устроишь?

Иван Иванович. Два баяна порву. На британский флаг.

Сергей. На похоронах грустят обычно. Без флагов.

Иван Иванович. А когда как. Один мужик знакомый сказал, чтобы на его похоронах веселились. Так мы песни пели, шутили, в карты играли.

Сергей. В трынёку?

Иван Иванович. В дурака.

Сергей. И что ты – всех победил? Кто победил – тот главный дурак.

Иван Иванович. Кто проиграл.

Сергей. И бумбончик на голову его напялить.

Иван Иванович останавливается, прислушивается.

Иван Иванович. Ну-ка тише. Слышала?

Алина кивает головой. Иван Иванович делает шаг к двери, оглядывается на Колю с Сергеем, бросает взгляд на дверь, кидается к ней, останавливается.

Иван Иванович. Да что ты будешь делать? Забазарилась. (Оглядывается вокруг.) Оппа-оппа. Сейчас зайдёт. Где?

Алина. Что?

Взгляд Ивана Ивановича падает на покрывало на диване. Он бросается к нему.

Иван Иванович. Помоги мне.

Алина (берясь рукой за покрывало). Дурдом какой-то.

Иван Иванович. Что говоришь?

Алина. Может, не надо уже.

Иван Иванович отвлекается от одеяла, поднимает голову, всматривается в Алину.

Иван Иванович. Ты в Турцию – или куда там? – в Таиланд хочешь? Новую жизнь начать.

Алина (после паузы). Очень хочу.

Иван Иванович. Ну так делай, что я говорю.

В дверь стучат. Слышно, как кто-то тяжело дышит за дверью.

Голос Тёти Тани. Есть кто живой?! Открывайте!

Иван Иванович (поспешно) Сейчас-сейчас! (Алине.) Ну же, быстрее.

Алина хватается за покрывало, помогая Ивану Ивановичу достать его из-под Коли с Сергеем.

Иван Иванович. Кляпы им. (В сторону двери.) Иду-иду!

Пихает Коле и Сергею в рот их же рубашки, накрывает мужчин покрывалом, хватая со столика подсвечник, даёт его Алине.

Иван Иванович. Если вдруг чего, сразу бей по башке. Сечёшь?

Алина стоит в замешательстве, но, хоть и с опозданием, кивает головой. В этот момент дверь вагончика открывается, и в него заходит тётя Таня. Она хромот на одну ногу и щурится от электрического света.

Тётя Таня. Фу, с темноты ничего не видно.

Иван Иванович. А, давайте, я Вам помогу.

Иван Иванович бросается навстречу тёте Тане, берёт её под руку, помогает идти в сторону кресла.

Иван Иванович. Вот так вот. (Поворачивает кресло так, чтобы диван был плохо виден и сам становится так, чтобы закрыть его от тёти Тани.) Садитесь.

Тётя Таня (опускается в кресло). Фу, умоталась совсем. Не в моём возрасте по таким ухабам.

Иван Иванович. Оппа, у нас чая даже нет.

Тётя Таня. Да ничего. Я сейчас отдышусь. (Оглядывается на Алину, улыбается ей, но улыбка сразу сползает с лица тёти Тани и вместо неё появляется недоумение.) А это кто?

Иван Иванович. Это мой деловой партнёр. Всё серьёзно, сами понимаете.

Тётя Таня. Дело-то серьёзное. (Бросает взгляд на наручные часы.) За окном хорошо, если гулять или ждать стоять, – погода, имею в виду.

Иван Иванович. Погода шепчет. Я документы не подготовил. Вы сами понимаете, что не так просто и вообще.

Тётя Таня. Да какие тут документы?

Иван Иванович. Под честное слово. Сами понимаете, мне ведь тоже невыгодно, чтобы узнали. Я тоже в интересе.

Тётя Таня. Да-да, а перевозить фура нужна будет.

Иван Иванович. О фуре я договорюсь.

Тётя Таня. У вас же была фура.

Иван Иванович. Да вот была, но пришлось продать. Положение тяжёлое, сами понимаете.

Тётя Таня. Да-да. (Молчит.) Тогда скидка на фуру.

Иван Иванович. Да ну, вы что? Я сам договорюсь обо всём. Я практически договорился. Вы мне сейчас баб... деньги, а завтра вам фура всё доставит.

Тётя Таня. То есть оплатишь всё сам?

Иван Иванович. Всё оплачу и договорюсь обо всём. Только у меня сейчас нечем. Вы мне платите сегодня, а завтра всё будет.

Тётя Таня (после паузы). Тогда я тебе сейчас половину, а половину – завтра.

Иван Иванович застывает на месте.

Иван Иванович. Нет. Сегодня всё. И всё сделаю.

Тётя Таня. А вдруг я тебе денежки дам, а ты сбежишь с ними?

Иван Иванович. Да куда я сбегу? Вы же знаете. Я никуда не сбегу. Куда мне бежать-то?

Тётя Таня. Откуда я знаю? Денежки взял – и сбежал.

Иван Иванович. Да ну как? Вы меня сразу поймаете. В аэропорту прямо.

Тётя Таня. В Иркутске.

Иван Иванович. Конечно.

Тётя Таня. А до него тысяча километров.

Иван Иванович. Ну да. Особо-то не убежишь.

Тётя Таня (обводит взглядом вагончик, поворачивается в сторону дивана, заглядывает за спину Ивана Ивановича, вздрагивает, тут же берёт себя в руки). Это что?

Иван Иванович. Да так, мусор.

Тётя Таня. Мусор? (Молчит.) Как в гараже у мужа.

Иван Иванович. Это мужики, что плохо лежит, тащат сюда.

Тётя Таня. Да, мужики все болтики собирают. У меня муж такой же. Я по улице иду – мне ничего не надо, а он каждую железку хватает и домой несёт. В гараж зайти нельзя. Везде полки, даже на потолке полки сделал. Дверь от «Жигулей» принёс. У нас и «Жигулей» никогда не было. И где взял дверь?

Иван Иванович. Ну а вдруг будут?

Тётя Таня. Да не будут. Три мотоцикла разобранных, гайки вёдрами, пассатижей штук десять. Я уже половину раздарила. Дочка замуж выходила, я Андрею двое

пассатижей отдала, чтобы дома свалку не устраивать. И соленья эти. Девушка, вы банки закатываете?

Алина. Нет.

Тётя Таня. И я – нет. Как ресторан открыла, так и перестала банки закатывать. (Молчит, косится на диван.) И картошку не сажаю. Старую дачу продала, купила новую, с большим домом. Отдыхаю на ней. Ни теплиц, ни грядок. Муж, наоборот: «Давай огурцов засолим». Ресторанное не ест, а я у плиты стоять не буду. Отстояла своё.

Иван Иванович. Конечно. В ресторане и вкуснее, и деликатесы всякие.

Тётя Таня. Да я деревенская. Равнодушна к деликатесам. Мне бы картошечки да курочки – ничего и не надо.

Иван Иванович. Но клиенты хотят экзотики?

Тётя Таня. Так борщей им дома наварят.

Иван Иванович. Ну вот и хорошо. (Смотрит на сумку тёти Тани.)

Тётя Таня. Вот и муж говорит: «Хорошо». (Пауза.) Он за окном как раз. Он, и охранники мои с ресторана. Мы как раз с работы вместе шли.

Услышав об охране, Иван Иванович открывает рот, будто хочет что-то сказать, и так и застывает.

Иван Иванович (после паузы). А-а, Вы бабки.... деньги носить одни и ночью бои... не хотите?

Тётя Таня. Да-да, с такими суммами по ночам кто же ходит? (Пауза.) Девушка, а вы зачем канделябр взяли? Со светом перебой?

Иван Иванович (поспешно). Она из цирка. Из театра. Они там репетируют. Им для репетиций надо.

Тётя Таня. Деловой партнёр из театра, из цирка? Откуда?

Иван Иванович. Театра.

Алина (после задумчивой паузы). Иван Иванович шутит. У него юмор такой.

Тётя Таня. Да, смешно шутит. (Кидает взгляд на часы, потом – на окно, на дверь.) А среди ночи сделки почему назначаете? Охранники интересуются.

Иван Иванович (поспешно). Алина А... Алексеевна из другого города. Через час уезжать.

Тётя Таня. На утреннем?

Иван Иванович. На утреннем поезде.

Тётя Таня. А бизнес – её?

Иван Иванович (подмигивает Алине). Её бизнес.

Алина никак не отвечает на сигналы Ивана Ивановича.

Тётя Таня. Меня гринпис потом не замучает?

Иван Иванович. Ни в коем этом.

Тётя Таня. А то я боюсь, что замучает.

Иван Иванович умоляет взглядом сумочку тёти Тани открыться и передать ему деньги.

Тётя Таня. Мужа подождем. Он в туалет отошёл. А охранники у двери прямо. Тоже его ждут. Мы с работы как раз шли вместе. Так удачно получилось.

Иван Иванович. Да ну, зачем? Мы сами разберёмся. Правда, Алина... Алексеевна?

Алина опускает руку с подсвечником, переводит взгляд с тёти Тани на Ивана Ивановича и обратно.

Тётя Таня. Я думаю, всё-таки позвать. (Приподнимается с кресла.)

Иван Иванович. Да ни к чему, сами понимаете – лишние уши, глаза.

Тётя Таня (опускаясь назад). Ну да, действительно. (Откидывается в кресле, обмахивается рукой.) Фу, жарко-то как у вас. Вы дровами топите? По старинке?

Иван Иванович. Нет. Центральное отопление. В смысле, да, дровами... Нет, не топим.

Тётя Таня. А как будто топите. Я внуков сразу вспомнила. Для них как раз полы с подогревом делали, и они в холода утром приходят и сразу ложатся на пол в кухне. В кухне полы с подогревом. Удобно очень.

Иван Иванович. Ну да. Я тоже так у себя когда-нибудь сделаю.

Тётя Таня. Обязательно сделай, Ваня. Такая вещь хорошая. Не пожалеешь никогда.

Иван Иванович. Уверен, что жалеть ни разу.

Тётя Таня оглядывается вокруг, кидает взгляд на часы, шумно выдыхает, сжимает руками сумочку.

Тётя Таня. Жарко, жарко как. (Молчит, шумно дышит.) Дочь у меня родила трёх девочек и одного мальчика.

Лицо Ивана Ивановича превращается в лицо, проглотившее лимон.

Тётя Таня. Мальчика Настя назвала Андреем в честь отца, а девочек назвала Вера, Надежда и Любовь. Андрей Андреич будет, как ты прямо.

Иван Иванович грустно кивает головой.

Тётя Таня. И так удачно, что три девчонки родилось. Потому что, когда первую Верой назвали, не думали, что ещё две будут. А потом вторую назвали Надеждой и размышляем: а Любовь будет? И вот Любовь тоже родилась.

Алина. Вот так и рождается любовь.

Тётя Таня. Что? А. Андрей так и сказал: «Смотрите: Любовь родилась. В честь нашей любви».

Щёка Ивана Ивановича дёргается от раздражения.

Иван Иванович. Любовь-морковь.

Тётя Таня. Что?

Иван Иванович. Алина Алексеевна торопится, ей некогда.

Тётя Таня (смотрит на Алину, как затравленный зверёк). А, так Вы торопитесь?

Алина, о чём-то думая, медленно кивает головой.

Тётя Таня. Ну что же вы сразу не сказали. (Не спеша, тянется открывать сумку, останавливается, громко выдыхает, рука её дрожит.) А я размышляю: сейчас я заплачу, значит, а мясника у меня нет. Их кто забивать будет? Я головы курицам только в детстве рубила. А тут не курицы. Тут же намного опасней. Даже свинью забить – ого-го какая проблема. В деревне на всю деревню у нас один специалист был. Ему все платили, самое вкусное ему отдавали. Так он даже не в нашей деревне был. Один на несколько деревень. Он и пить бросил, потому что если драка пьяная, ему человека убить – раз плюнуть. А свинье точно в сердце попасть надо, иначе она тебя порвёт. И забойщик, если брал нож в руки, кого угодно мог с одного удара прибить. Кто забивать-то будет?

Иван Иванович молчит, сжимая и разжимая кулаки. Вытягивает от злости нижнюю челюсть, играет желваками. В голосе тёти Тани появляются истеричные нотки. Алина, впившись глазами в лицо тёти Тани, открыла рот, словно хотела что-то сказать и забыла.

Тётя Таня. Муж мой, мы свиней держали, чёрных таких, здоровых, хотел у них прибраться, прыгнул к ним в стайку, и хорошо, услышал, как зарычал кабан. В последний момент вилы повернул и прыгнул вверх: «Пускай хоть тонут в экскрементах, я к ним больше ни ногой».

Алина тяжело и медленно дышит, грудь её поднимается и опускается.

Иван Иванович. Ну-ну.

Тётя Таня. Что?

Иван Иванович. Охранники забьют. Я Вам скидку сделаю.

Тётя Таня. А они не умеют. Они же эти, боксёры.

Иван Иванович. Ну и что?

Тётя Таня. Ну им перчатки мешают на руках. (Выдавливает из себя подобие улыбки.) Ну в которых они дерутся.

Иван Иванович. Снимут перчатки.

Тётя Таня. Что?

Иван Иванович. Тоже драться умею.

Тётя Таня. А их трое. Они профессионалы.

Иван Иванович. Трое на одного.

Тётя Таня. Что?

Иван Иванович. Я.

Тётя Таня. Что – я?

Иван Иванович. Я сам забью.

Тётя Таня. Охранников?

Иван Иванович. Товар забью сам. Деловая сделка, сам понимаю. Всё серьёзно.

Тётя Таня. А ты пробовал когда-нибудь? Это ведь тяжело.

Иван Иванович. Ничего. Справлюсь.

Тётя Таня. А есть чем? Инструмент. Молоток? Топор?

Иван Иванович. Найду.

Тётя Таня. А наш забойщик специальный нож носил и только им пользовался.

Тебе бы его поискать. Не забойщика, а... Ну... Ну да...

Иван Иванович. Я найду.

Тётя Таня. И долго ты будешь... забивать?

Иван Иванович. Мигом.

Тётя Таня. Да я не тороплюсь. Я хоть до завтра ждать буду.

Иван Иванович. Поезд у девушки.

Тётя Таня. А-а. Ну ты не торопись всё равно.

Иван Иванович направляется к выходу. В это время пальцы Алины разжимаются и подсвечник с грохотом падает на пол. Иван Иванович следит за подсвечником, поворачивается к выходу.

Алина. Подожди.

Тётя Таня. А вы с ним? Вы идите, да, помогите ему.

Алина. Да... Нет.

Тётя Таня. Да идите. Я подожду.

Алина. А я больше ждать не буду.

Тётя Таня (севшим голосом). Почему? Вы передумали?

Алина. Передумала.

Иван Иванович. Не слушайте её. (Идёт к выходу.)

Алина. Стой. (Иван Иванович останавливается.) Я всё поняла.

Иван Иванович. Что ты поняла?

Алина. Всё поняла. И... Нельзя.

Иван Иванович. Я тебе собака, что ли? Командуешь мне. Возьму, и один уеду.

Алина. Нельзя продавать никого и никогда.

Алина наклоняется к покрывалу, под которым сидят Сергей с Колей, сдёргивает его. Мужчины с кляпами во рту таращат глаза на тётю Таню. Она громко выдыхает воздух, на её лице, наконец, появляется что-то похожее на улыбку настоящую.

Тётя Таня. Серёжа, я так рада тебя видеть.

Алина достаёт кляпы изо ртов мужчин.

Сергей. А уж я как рад!

Алина развязывает мужчин.

Алина. Конкуренты, говоришь, подослали...

Иван Иванович. Оппа, все вокруг засланцы. Волчары обложили со всех сторон.

Серёга, много бабла тебе дали? Охранников притащили. Ментов не привели?

Тётя Таня (наблюдает, как Алина освобождает Сергея, стараясь взглядом ускорить этот процесс). Ваня, и менты будут, если надо. Всё будет, всё-всё.

Алина. Ну вот и закончилась сказка.

Сергей. Как дед того в коляску.

Алина. Быстро закончилась. А так хотелось в тёплые края.

Сергей. Ну так. Из кандалов Сибири на Канары. Или на Сеньшильские острова? Что такое Сибирь? Это вечно голод ненормальный, сонливость, слабость, давление скачет. А на Канарах расслабон, энергия прёт и дети не спрашивают, зачем ты сюда припёрся.

Тётя Таня. Серёжа, ты не меняешься совсем.

Сергей. Да ну – скажешь тоже. Лысина растёт. От морозов.

Тётя Таня (постепенно успокаиваясь). Не знаю, а мне тут нравится. Зима белая, грязи нет, снежок под ногами приятный. И воздух чистый. А на родине грязь под ногами хлюпает, ноги мокрые, с завода воняет и ни дерева в округе.

Иван Иванович опустил руки, скривил губы, что-то шепчет себе под нос.

Алина. А деревья тоже жалко.

Тётя Таня. Что?

Алина. Деревья рубят – тоже жалко.

Тётя Таня. Ну так бумагу люди хотят, столы, стулья.

Сергей. побыстрей развязывай – руки затекли.

Глаза Ивана Ивановича с каждым новым движением Алины наливаются кровью, а лицо превращается в камень.

Алина (развязывая Сергея с Колей). Муж у меня был таксист.

Сергей. Не запахло.

Алина. Нет, не запахло. Он из такси устроился проститутку возить. Вёз сутенёра как-то, и он предложил к ним пойти. Там и платят больше, и риска меньше. Женечка мечтать стал: «Крутую машинку купим, внедорожник. Подкопим немного». А копить не получалось, и кредит нам не давали. У меня официалка белая совсем копеечная, а у него – совсем чёрная. В общем, Женечка решил у проститутку деньги на машинку взять. Они шутили ещё: «Отдавать чем будешь? Натурой?» Я боялась, он изменять с ними будет, а получилось ещё хуже. Они деньги-то ему заняли, а он взял и свою машинку разбил. И за чужую пришлось платить, за внедорожник как раз. Без машинки Женечка остался и без денег, и ему Пахан, сутенёр, говорит: «Деньги отдавай тёлкам. Иначе проценты пойдут». Мы, что смогли, отдали. В общем, проценты начали капать и такая сумма набралась, что её никогда уже не отдать. И Пахан говорит: «Пусть жена твоя отработывает». Я сразу-то отказалась. На Женечку сорвалась, хотела в милицию обратиться, но потом к нам бандиты в гости пришли, Женечку избили и сказали: в следующий раз в Ангаре нас утопят. Вот тогда я испугалась по-настоящему. Я три дня рыдала, потом с духом собралась и к Пахану пошла. Сначала думала, выскажу, какая он сволочь, и газовый баллончик даже в сумочку положила. Пришла к нему и говорю: «Мы в суд на вас подадим». А он: «подавайте. Только свидетелей у вас нет. А во-вторых, на кого подадите? Меня там не было, алиби найду. И что скажете? Проститутку возили? Так вас посадят». Тут я и сломалась. Ну не совсем. Я газовый баллончик достала, а Пахан рассмеялся и срок дал три дня на всё-про-всё. Через три дня пришла сдаваться. Пахан дверь открыл, взглядом окинул с ног до головы и велел раздеваться. И вот стою я перед Паханом в одном лифчике и трусиках, и он говорит: «Остальное тоже снимай». Я думала: сквозь землю провалюсь. А Пахан не унимается: «Ты чего такая лохматая? В этих космах блохи заведутся, да и заболеть легко в нашем деле. Не боишься?» Я головой помахала так, что не понятно, то ли боюсь, то ли нет. А Пахан: «Что башкой машешь?» И тут я зарыдала. Пахан окатил меня презрением и говорит: «Одевайся, дура. Ничего не надо. Считаю, простил долг. Жентоса брось: мудака он. Я бы глотку за бабу свою перегрыз, а он к шлюхам её отправляет». Я шмотки с пола собрала и пошла в коридор. Пахан догнал меня на лестнице, вернул в квартиру: «Дура, оденься. Не хватало, чтобы от меня голые тёлки выходили». Больше я его не видела. Его закрыть хотели, а он пулю в лоб пустил. Поэтому и долги списал. А вообще это не первый случай,

когда жёны за водителей долги отработывали. И авария машинки – наработанная схема. Повезло просто.

В комнате повисла тишина.

Сергей. Что ж ты, девочка... так-то...

Тётя Таня (дрожащим голосом). Это всё правда, что вы сейчас говорите?

Алина. Правдивей некуда.

Тётя Таня. И дальше что?

Алина. А что? С Женечкой я разошлась. На мужиков долго ещё смотреть не могла. Ненавидела всех. А тут с подругой в ресторан пошли, и в нём Иван деньгами сорил. На них и клюнула. Как рыба в мутной воде.

Тётя Таня долго смотрит на Ивана Ивановича.

Тётя Таня. Что скажешь, Ваня?

Иван Иванович (Алине). Скажу: «Прав был Серёга: проститутка ты конченная». (Тёте Тане.) Бабки на стол. (Делает решительный шаг вперёд.)

Тётя Таня (привстаёт с кресла.) Стой, Ваня. Не дай бог со мной что-нибудь случится...

Иван Иванович пристально разглядывает переносицу тёти Тани. Сергей разминает затёкшие руки и ноги, Коля еле шевелится.

Тётя Таня. Хорошо подумай, Ваня. О детях своих подумай, о Розе Альбертовне, о Леночке.

Иван Иванович. Совсем не страшно, да? Обложили. Охранники за окном, муж в туалете. Или нет никого? Сейчас завалю вас, и посмотрим, кто круче.

Тётя Таня. Да, завалишь, Ваня. А куда сбежишь-то? В аэропорт? До Иркутска пока доберёшься, тебя догонят.

Иван Иванович. Да я на тачке. С любого города улечу.

Тётя Таня (после паузы). Ваня, хочешь я тебе сумку покажу? В ней денежек нет. Разве я буду пять миллионов с собой носить? Да и где я их возьму среди ночи?

Иван Иванович мнётся на месте, кривит губы, хлопает себя по бедру.

Иван Иванович. Вот вы... Развод какой... Да дома у вас в столе миллионы пачками. У вас же ресторан.

Оглядывается на Сергея, порывается идти к нему, потом – к Тёте Тане, оглядывается на выход, делает решительный шаг к Тёте Тане.

Тётя Таня. Андрей, Лёша!

Иван Иванович останавливается, улыбка-оскал перекосила его лицо злобой и отчаянием.

Иван Иванович. Да пошли вы.

Идёт крупными шагами к выходу. Дверь захлопывается за ним. Сергей встаёт, разминает руки и ноги.

Сергей (напевает). Скатертью, скатертью долгий путь стелется.

Тётя Таня. Фу. Я думала, прийдёт нас. В первый раз его таким вижу.

Сергей. Да уж, наш Иванушка-дурачок разозлился нынче.

Тётя Таня. Да ты что? Я, как ноги из-под покрывала увидела, думала: у меня сердце остановится. Серёжа, а ты как здесь оказался?

Сергей. Да вот с Колей подрядился ящики грузить.

Тётя Таня. И как успехи?

Сергей. Успехи великолепные. (Алине.) Ты это... Ну как бы... (Пауза.) Спасибо, что развязала. (Коле.) Коля, ты как – живой?

Коля что-то мычит в ответ.

Сергей. Главное – что Коля живой. Живой и весёлый. И под землю не лезет.

Тётя Таня. Серёжа, а ты Розу давно видел?

Сергей. Сто лет назад. Как курить бросил, так и не видел.

Тётя Таня. Она не сказала, что ты здесь.

Сергей. Не знала, наверное.

Тётя Таня. Хочешь увидеть?

Сергей. Её ты тоже позвала? Охранников, мужа, пожарку, ветеринаров, МЧС.

Тётя Таня. Да нет, только Розу.

Сергей останавливается, подсказывает на месте.

Сергей (Алине.) Где канделябр?

Алина показывает, куда укатился подсвечник. Сергей спешит взять его в руки, примеряет его для удара по голове.

Тётя Таня. Серёжа, ты что?

Сергей. Да так, ничего. Балуюсь.

Тётя Таня. Я иной раз размышляю: собраться бы, как раньше. Помнишь, как мы на танцы ходили? На танцплощадку, которая выше остановки с капсулой-шаром.

Сергей. Который угоняли.

Тётя Таня. Его же нашли. Я была на торжественном открытии. По нему кувалдой ударили, дырку проббили и письмо из него достали. А в нём ручкой аккуратным почерком написано: «Желаем вам достичь счастья в будущем».

Сергей. И что?

Тётя Таня. И всё. Больше ничего не написано. Только «Желаем достичь счастья». Тридцать лет назад люди написали. Я разревелась, когда услышала, потому что счастливей, чем тогда на площадке, я никогда не была. Эх, Серёжа, и где твоя шевелюра?

Сергей. Моя шевелюра в шаре из бетона осталась.

Тётя Таня. Она Розе нравилась.

Сергей. Да я заметил. Но Толик, покойничек, опередил меня.

Тётя Таня. Время-времечко. Помнишь, какая она танцовщица была? Самая отчаянная. А я как уволилась, её на моё место взяли. Я передала ей кресло и место сбоку у танцпола. Она же любила в центре внимания всегда, а я начальник, мне сильно трясти задом нельзя. Я в сторонке встану и, пока никто не видит, танцую.

Сергей. Надо шар запечатать и обратно укатить к остановке.

Тётя Таня. Как ты его укажишь?

Дверь в бытовку открывается. Появляется Роза Альбертовна.

Роза Альбертовна. Где Гонодолбов? (Замечает Сергея, Алину и Колю.) Целую планёрку собрал.

Сергей. Совещание.

Роза Альбертовна. И, конечно, как мы без Сергея – без Сергея мы никак. Ты его научил?

Сергей. Курить и материться? Серёга научил. Больше ведь некому.

Роза Альбертовна. Курить особенно. Откуда ещё у Гонодолбова такие идеи, как не от тебя? Где он?

Тётя Таня. Убежал. Я опоздала, думала: ты здесь, зашла, а здесь такое творится, что в страшном сне не придумать. Ты где так долго?

Роза Альбертовна. Внуков спать укладывала. Лена в ночную, оставить не с кем. Купила?

Тётя Таня. Сказала, что денежек нет с собой. Так он меня чуть не прибил.

Роза Альбертовна. Не удивительно. Далеко убежал?

Тётя Таня. В Иркутск собирался.

Роза Альбертовна. Я ему дам Иркутск.

Сергей. Никуда он не убежал. Я ему колёса проткнул. Лишь бы не вернулся.

(Потрясает подсвечником.)

Роза Альбертовна. Совсем крыша поехала – в Иркутск. К любовнице, наверное. (Сергею.) А гематома у тебя откуда? Мартышки опять виноваты?

Сергей. Нет. Карлик с маленьким чайником. Коля обещал нецке такое вырезать.

Роза Альбертовна. Ну ты ещё то помело. Школа твоя, я чувствую.

Тётя Таня (торопясь рассказать). А я у меня сегодня Алевтина юбилей праздновала, я пораньше никак собраться не могла. Неудобно, подружки всё-таки. Поэтому опоздала. И Алёша предложил проводить меня до зоопарка, а я взяла и отпустила его, а когда увидела, что Ваня Серёжу с мужчиной связал – нет, раньше, когда увидела, что ноги из-под одеяла торчат, – я так перепугалась.

Роза Альбертовна. Серёжу с мужчиной – что?

Тётя Таня. Связал.

Роза Альбертовна. Зачем?

Сергей. Чтобы сделку не сорвали. Таня зверей у Вани купить хотела.

Тётя Таня. Да не хотела я.

Сергей. Ага, и забивать их отравила.

Тётя Таня. Я испугалась. Просто чтобы он вышел, не знала, что придумать. Он мне как пьяный позвонил среди ночи и сказал, что хочет продать блюдо-деликатес, я решила: надо спасать животных.

Роза Альбертовна. А ему шило предпринимательское в одном месте всё покоя не даёт. То бензин с рабочей машины продал и сам голосовал на дороге, то с пожарки на дачах водой торговал.

Тётя Таня. Гальянов как-то на пруду наловил и мне в ресторан принёс.

Роза Альбертовна. Правильно, ты же ему потакаешь. Он же как рассказывает: «Не гальяны, а харюс. Сам поймал вот этими руками». Он даже не помнит, где и что ловил, – невменяемый был.

Тётя Таня. Лягушек тогда принёс.

Роза Альбертовна. Во-во, лягушек. Ты зачем у него лягушек купила?

Тётя Таня. Мне жалко их стало. Они зелёные, маленькие, глазки пуговками. А он замучил бы их.

Роза Альбертовна. Ну замучил бы. А твоё какое дело? (Пауза.) В Сибири лягушек достал где-то. Спрашиваю: «Где?» Он: «У Пети. Он мне аквариум отдал». Петя – ещё один предприниматель-гурман-алкоголик. Припёр лягушек и улиток в банке из-под огурцов. Лягушачьи лапки с улитками – деликатес. Я им выбросить сказала, а они к Тане в ресторан волокут. Аквариум тоже тебе продали?

Тётя Таня. Нет, аквариум дети купили. Они машины у ресторана моют.

Роза Альбертовна. А зачем детям аквариум?

Тётя Таня. Ваня им сказал: в космонавтов играть будете. А я им отдала лягушек, они их в этот аквариум и посадили.

Роза Альбертовна. Лучше бы Гондоболова в аквариум посадили. К лягушкам. Я говорила Лене: «За кого замуж выходишь?» За принца замуж надо, или за волшебника. Этот же ни одного слова волшебного не знает. Ни «спасибо», ни «пожалуйста» не дождёшься. За столом поест – отрыгнёт. Вот и всё «спасибо». Говорю: «Тебе Гонодолбов хоть цветы дарил? Кроме тех, что с клумбы». А он: « Хорошие цветы. Тамагочи». Не тамагочи, а тюльпаны. У мэрии сорвал и на рынок припёр. Трое суток в милиции просидел, пока я штраф не заплатила.

Сергей. Не надо было.

Роза Альбертовна. Больше и не буду. Золото всё из дома утащил...

Дверь в вагончик открывается. Медленно в неё вваливается злой Иван Иванович. Не мешкая, он направляется к Сергею.

Иван Иванович. Ты. Это ты всё. Это из-за тебя. Да я тебя в крошку. В муку. В это... Ты у меня узнаешь, как...

Сергей закрывается от Ивана Ивановича, точно щитом, подсвечником, ожидая удара.

Роза Альбертовна. Гонодолбов, далеко собрался?

Услышав голос тёщи, Иван Иванович останавливается. Нерешительно поворачивается в сторону Розы Альбертовны.

Роза Альбертовна. Дома внуки тебя ждут, а ты зоопарк в ресторан превращаешь.

Иван Иванович. Не превращаю. Ну и что?

Роза Альбертовна. А то, что на развод Лена подаст и ты с работы полетишь белым лебедем. И кто меня уговорил тебя на такое место хлебное устроить? Я столько лет на стройке, и никто меня дурным словом не помянул, а ты стучишь на своих же, орёшь, пьяный по улицам бегаешь.

Иван Иванович. Когда я бегал?

Роза Альбертовна. А перед отпуском как раз и бегал. В зоопарк тебя устроила по знакомству, чтобы ты не шархался без дела... Лена уговорила. (Пауза.) Куда золото дел?

Иван Иванович. Никуда не дел.

Роза Альбертовна. Ну как никуда? И кулон мой красивый, и браслет, и даже кольцо обручальное спёр.

Иван Иванович. Почему спёр-то сразу?

Роза Альбертовна. А я не знаю, почему. И почему у тебя фамилия такая дурацкая. Такая красивая фамилия у Лены была – Василькова. Зачем её менять было? Я спросила Лену, а она мне: «Надо же за кого-то замуж выходить». Кольцо где?

Алина снимает с пальца кольцо, подходит к Розе Альбертовне, протягивает ей кольцо и красную коробочку. Роза Альбертовна сначала с недоумением, а потом с плохо скрываемой яростью принимает подарок Алины.

Роза Альбертовна. Та-а-ак. А ну-ка иди сюда.

Иван Иванович. Не пойду.

Роза Альбертовна. Ну что мне, самой подойти? Хуже ведь будет.

Иван Иванович. Не будет.

Роза Альбертовна. Будет. Ещё как будет.

Идёт к Ивану Ивановичу, даёт ему тяжёлый подзатыльник, тянется рукой к уху, выкручивает его. Иван Иванович привычно ждёт наказания.

Роза Альбертовна. Вот скажу, чтоб тебя уволили, и будешь опять токарем третьего разряда копейки считать. Пойдём, скотина. До свидания, Таня. Спасибо.

Роза Альбертовна толкает Ивана Ивановича в спину, выводит из вагончика. Тот вялыми шагами, опустив плечи, бредёт вперёд.

Сергей. Вот и нашлись сокровища партии. (Оглядывается на Алину.)

Тётя Таня. Я тоже пойду. Дел много.

Тётя Таня грузно поднимается с кресла и плетётся к выходу, останавливается.

Тётя Таня (Алине). Девушка, вы извините. То, что вы говорили... Просто если вам понадобится вдруг моя помощь... (Тётя Таня открывает сумочку, что-то ищет в ней, достаёт.) Возьмите визитку. Тут банкетки всякие написаны и телефоны. Просто позвоните и попросите тётю Таню – там поймут. Хорошо?

Тётя Таня протягивает Алине визитку, она берёт её, вертит в руках.

Тётя Таня. Ну и всё. (Уходит.)

Сергей провожает взглядом тётю Таню, достаёт из кармана ключи от машины.

Сергей. Без ключей и на спущенных колёсах уедешь недалеко. (Разглядывает их). Ну и что с ними делать? Продать. А кому продать? Разве что Коле. Коля, купи слона.

Коля. Что?

Сергей. Слона. Хороший слон. Упитанный, ушастый, хоботатый. Недорого. Со скидкой. А два слона даже дешевле будут, чем со скидкой.

Коля. Зачем?

Сергей. Так вот именно. (Протягивает руку Алине.) Мадама, можно вашу руку?

Алина раздумывает.

Сергей. Я увезу вас на лимузине на край света.

Алина. Прямо на самый край? На спущенных колёсах?

Сергей. Так на спущенных веселей даже.

Алина. И на том краю – рай с абрикосами, да?

Сергей. Почти. Дома что-то в холодильнике пожрать есть. Хоть зверей покормлю, а то Коля себя на куски порежет и тигру скормит. Да, Коля?

Коля. Я как лучше хотел.

Сергей. Молодец, Коля. Ты лучший. (Алине.) Поехали. Там насос есть. Колёса подкачаем. Я спустил их – не проткнул. На «Прадики» покатаемся. Эх, Коля-Коля-Николай. Ты остаёшься? (Коля кивает головой.) В клетки не лезь больше.

Коля. Не буду.

Сергей с Алиной выходят из вагончика. Оставшись один, Коля достает из кармана фигурку слона.

Коля. Мы когда с Александром Сергеевичем ящики в порту грузили, я ему говорю: «Купи слона». А он в ответ: «Этот слон тебе кто?» – «Так, никто. Друг». А он мне: «Коля, скажи: друзей можно купить?» Я говорю: «Не знаю. Нельзя, наверное» – «Так вот и продавать их нельзя. Друзей не продают».

Коля задёргивает шторы, ложится на диван, складывает руки на груди и закрывает глаза. Медленно, очень медленно в вагончике затухает свет.

01.05.2015 – 25.05.2015